

Годжо Хара посмотрел в направлении, противоположном храму.

— Давай проверим ту сторону, — предложил он. — Там проклятая энергия ощущается сильнее всего. Вероятнее всего, именно там и зародился проклятый дух.

Обычно проклятые духи крайне редко покидают места своего появления.

Пока троица направлялась к цели, им встретились местные жители. Гэто Сугуру расспросил прохожих о том районе и выяснил, что там расположены заброшенные портовые склады. Два года назад на них случился сильный пожар, и с тех пор пепелище никто не трогал.

Эта новость озадачила юношей. Если здесь действительно зародился проклятый дух-русалка, то при чём тут огонь? Неужели они имеют дело с кем-то другим, чья природа связана с пламенем, а вовсе не с морским чудовищем?

Как бы то ни было, они решили проверить всё лично.

Оказавшись перед обгоревшими руинами, они сразу оценили масштабы бывшего пожара. Несмотря на то что с момента катастрофы прошло два года, очертания и площадь склада угадывались без труда. Пепелище когда-то пытались расчистить, но сделали это небрежно, оставив груды обломков. Вокруг простирался пустырь, и вся местность просматривалась как на ладони.

Сатору задумчиво коснулся подбородка. Его лазурные глаза вспыхнули интересом.

— След проклятого духа есть, но самого духа здесь нет. Остаточная проклятая энергия почти исчезла, причём её словно выжгли, а не просто дали ей рассеяться со временем... — Сатору явно увлекла эта аномалия. — Надо же, проклятый дух, который умеет замечать за собой следы! Как любопытно!

— Скорее всего, это его логово, — заметил Хара. — Рано или поздно он вернётся.

Гэто призвал одного из своих подчинённых проклятых духов.

— Тогда я оставлю здесь часового. Как только цель покажется, мы сразу об этом узнаем и поймем её.

С такой удобной ищейкой под рукой караулить на месте часами не имело смысла.

Троица не спеша двинулась обратно к гостинице.

Едва войдя в холл, они заметили ту самую шатенку, которую видели у стойки регистрации. Девушка сидела за столиком и обедала. Время шло к трём часам дня, а она только принималась за обед.

Впрочем, общих тем у них не было, да и незнакомка не спешила называть своё имя, явно избегая лишних контактов. Гэто лишь скользнул по ней равнодушным взглядом, и они поднялись наверх.

Юноши собрались в комнате у Сугуру. Сатору с заговорщицким видом достал колоду карт и целую стопку бумажных полосок.

— Ну держитесь! — ухмыльнулся он. — Сегодня я обклею ваши лица с ног до головы!

Они уселись играть, договорившись, что проигравший получает бумажку на лоб.

В это же время жрица Кимизэ Симабукуро, только что проводившая последних туристов, заперла ворота святилища. С абсолютно спокойным лицом она направилась к Водопаду русалки — месту, где обычно разворачивалось праздничное представление.

Спустившись к каменистому берегу у подножия бурлящего потока, она испуганно огляделась по сторонам. Убедившись, что вокруг ни души, Кимизэ едва слышно позвала:

— Мама...

Прямо из пенных струй соткался водяной силуэт. Перед девушкой возникла фигура, верхняя половина которой походила на человеческую, а вместо ног тянулся длинный рыбий хвост — точь-в-точь как у русалок из древних легенд.

Вот только это существо выглядело неопишимо жутко. Его хвост напоминал кусок разлагающейся падали, с которой сочилась зловонная сукровица, а слипшаяся чёрная чешуя казалась оплавленной. Один взгляд на это чудовище вызывал приступ тошноты. В уродливых чертах искажённого злобой лица едва угадывалось сходство с Кимизэ, но сейчас перед ней стоял истинный монстр.

И всё же жрица не выказала ни тени страха. Она лишь тихо прошептала:

— Мама, как ты? Пожалуйста, спрячься получше. Мне кажется, на остров прибыли трое очень странных людей. Они опасны. Не смей показываться на глаза...

Однако проклятый дух не понимал слов. Монстр лишь плотоядно уставился на Кимизэ, обнажив ряды острых, как иглы, зубов, и с утробным рычанием бросился на неё.

Но на полпути чудовище замерло. Его движения сделались рваными, противоречивыми, а на морде отразилась мучительная внутренняя борьба.

Облик твари судорожно менялся: то искажался в яростном оскале, то внезапно разглаживался, обретая человеческие черты. В эти редкие секунды проклятый дух становился похожим на покойную мать Кимизэ, и из пасти вырывался хриплый, отчаянный шёпот:

— Кимиз... беги!..

У девушки брызнули слёзы.

— Мама...

Она знала, что после страшной смерти её мать обратилась в монстра и почти лишилась рассудка. Но где-то в глубине осквернённой души ещё теплились остатки материнской любви, заставляя чудовище молить дочь о спасении.

И всё же мгновение слабости прошло. Лицо монстра вновь исказилось голодным вождением.

Кимиз поспешно смахнула слёзы и бросилась прочь. Она понимала: если не уйти сейчас, человеческий разум матери окончательно угаснет под натиском проклятой природы, и тварь растерзает её.

Как только присутствие девушки растаяло в воздухе, проклятый дух окончательно затих, вернув себе уродливую звериную морду.

Тварь растерянно огляделась, а затем скользнула обратно под воду. На самом дне глубокого омута, куда падал водопад, лежал объеденный женский труп. Чудовище принялось жадно рвать зубами холодную плоть.

В комнате Сугуру троица просидела до самого рассвета, однако оставленный у склада проклятый дух так и не подал сигнала.

Сладко зевнув, Гэто с трудом сбросил со своего бедра длинную ногу Сатору, а с груди — руку Хары. Он сел на постели и, протирая заспанные глаза, принялся тормошить спящих друзей:

— Хара, Сатору, ну же, подъём.

Хара, отчаянно борясь с накатывающей дремотой, приоткрыл глаза.

— Который час?

Сугуру со вздохом потянулся.

— Фестиваль Русалки, похоже, мы уже благополучно проспали.

Ночью на заброшенном складе ничего не произошло, а они так увлеклись игрой, что начисто забыли обо всём на свете.

Сугуру лениво пихнул ногой всё ещё спящего Сатору.

Хара, собиравшийся встать, чтобы умыться, резко обернулся. Его взгляд не предвещал ничего хорошего. Он словно безмолвно вопрошал: «Как ты посмел пинать моего младшего брата прямо у меня на глазах?»

Сугуру мысленно выругался. От этого взгляда по спине пробежал холодок. Он совсем забыл, что Шесть глаз обеспечивают Харе круговой обзор в триста шестьдесят градусов. Даже если старший Годжо стоял спиной, он прекрасно видел каждый жест.

Конечно, Гэто и раньше будил Сатору подобным образом — правда, старался делать это так, чтобы Хара не видел. Да и разве со всякими несносными оболтусами нужно церемониться?

Сделав невозмутимое лицо, Сугуру поспешил скрыться в ванной комнате.

Хара не стал устраивать сцену из-за такой мелочи, раз уж сам Сатору не обижался. В конце концов, излишняя опека могла только навредить.

Сатору лишь перевернулся на другой бок, наотрез отказываясь просыпаться. Его лазурные глаза едва приоткрылись, подёрнутые густой дымкой сна.

— Ну зачем вставать?.. Давай ещё поспим, а? — пробормотал он. Всё-таки бессонная ночь давала о себе знать.

Хара без лишних слов подхватил эту огромную белую «кошку» на руки, закинул себе на спину и потащил в ванную. Стоило положить на лицо Сатору влажное прохладное полотенце, как сонливость тут же испарилась.

Придерживая полотенце руками, Сатору принялся вытирать лицо и лениво поинтересовался:

— Брат, мы пойдём на этот фестиваль? Мы же вроде всё пропустили?

Хара, уже чистивший зубы, ответил сквозь пену:

— Пойдём ловить проклятого духа. Поможем Сугуру покончить с этим делом, и тогда сможем спокойно отдыхать до завтрашнего дня.

Иначе эта невыполненная задача будет постоянно висеть над ними, мешая наслаждаться поездкой.

Сатору согласно кивнул, быстро почистил зубы, ополоснул лицо и уставился в зеркало, пытаясь пригладить свою вечно растрёпанную белоснежную шевелюру. Он соорудил пару самодовольных гримас и гордо хмыкнул:

— Да уж, не перестаю поражаться своей неотразимости! Сегодня я чертовски хорош!

Будь здесь Сугуру, он бы обязательно съязвил по поводу зашкаливающего самолюбия своего друга.

Но перед ним стоял Хара. А любящий старший брат лишь тепло улыбнулся и ободряюще поднял большой палец:

— Наш Сатору сегодня действительно неотразим!

От такой похвалы младший расплылся в довольной улыбке.

В отличие от короткой стрижки Сатору, уложить длинные, достоящие до поясницы волосы Хары было той ещё задачей. К счастью, они у него от природы были послушными, шелковистыми и совсем не путались. Достаточно было пару раз пройтись гребнем, и они уже лежали идеальными волнами.

Единственное, что усложняло процесс — непреодолимое желание младшего брата поиграть с этими прядями.

— Брат, давай я тебя причешу! — Сатору воодушевлённо выхватил расчёску из рук Хары.

Хара никогда ему не отказывал. Даже зная, что в процессе Сатору обязательно попытается сплести какую-нибудь нелепую косичку, он лишь терпеливо ждал.

Только мягко напомнил:

— Поторопись немного, у нас мало времени.

Сатору послушно закивал и, на удивление быстро и аккуратно расчесав волосы брата, объявил:

— Готово!

Хара слегка удивился. Сегодня младший вёл себя на редкость послушно — никаких каверзных косичек или хвостиков. За такую примерность так и подмывало его расцеловать.

Недолго думая, Хара притянул Сатору за затылок и звонко поцеловал в лоб.

— Умница. Сегодня ты обошёл без своих шалостей. Держи заслуженную награду.

Сатору тут же шутливо возмутился:

— Эй! А как же утренний поцелуй? Нам положен полноценный ранний поцелуй!

Хара бросил взгляд на настенные часы — стрелки уверенно приближались к одиннадцати

часам дня. Утром это назвать было трудно.

Но Сатору и слушать ничего не желал. Какая разница, сколько на часах? Если они только проснулись, значит, сейчас самое настоящее утро! «Давай поцелуй», — иначе он начнёт буяннить!

Хара рассмеялся и снова мягко прижал брата к себе, коснувшись губами его лба.

— Хорошо-хорошо. С добрым утром, Сатору.

— Да вы издеваетесь! — раздался от двери голос Сугуру. Войдя в комнату, он застал эту умильную сцену и шумно вздохнул. — И долго вы ещё будете так нежничать?

Гэто давно знал, что Сатору, несмотря на свой внушительный рост, каждое утро и каждый вечер требует от брата поцелуев, спит с ним в одной постели и буквально шагу без него ступить не может. Сугуру не раз подшучивал над ними, называя одного сумасшедшим опекуном, а второго — капризным хвостиком.

Для взрослых парней, пусть даже близнецов, подобная привязанность казалась чем-то из ряда вон выходящим.

Сатору недовольно зыркнул на прервавшего их друга:

— Сугуру, ты просто завидуешь! Завидуешь, что у меня самый лучший в мире брат, а у тебя такого нет!

Гэто прищурился и сладко улыбнулся:

— Сатору, мы ведь с тобой лучшие друзья, верно?

Сатору нехотя буркнул:

— Ну допустим.

— Тогда получается, что твой брат — это и мой брат тоже? Зачем нам, лучшим друзьям, что-то делить?

Сатору картинно схватился за сердце:

— Ах ты предатель! Я считал тебя другом, а ты решил покуситься на святое и увести у меня брата?!

Видя, как забавно паникует Сатору, Сугуру уже собирался продолжить подначивать его, но тут Хара с улыбкой вставил свои пять копеек:

— Раз так, Сугуру, давай для начала назови меня старшим братиком. Хочу послушать.

У Гэто тут же пропал весь запал. Не найдясь с ответом, он поспешно перевёл тему:

— Э-э... Ладно, забудьте. На улице что-то стряслось. Фестиваль отменили, говорят, произошло убийство. Очень похоже на проделки проклятого духа. Идёмте проверим.

Когда нужно было подразнить Сатору, Гэто легко бросался громкими фразами вроде «твой брат — мой брат». Но стоило столкнуться с необходимостью действительно назвать Хару «братиком», как у него тут же язык отказывался поворачиваться.

Сатору победно хмыкнул. Будь его воля, он бы заставил Сугуру покраснеть от смущения и выдавить из себя это слово, но испытывать судьбу не хотелось. Хара принадлежал только ему, и даже лучшему другу делиться им он не собирался.

— Ладно уж, идём, — ворчливо согласился Сатору. — Так что там произошло?

Хара забрал карточку-ключ от номера, и они вместе вышли в коридор.

Пока они спускались по лестнице, Сугуру вкратце пересказал услышанное:

— Я расспросил девушку на ресепшене. Говорит, прямо во время праздника у Водопада русалки обнаружили три трупа. Все трое — местные жители. Тела жутко изуродованы, словно их рвал дикий зверь. Но на острове всю шепчутся, будто это кара самой русалки.

На таком изолированном клочке земли крупных хищников отродясь не водилось, поэтому версия с разгневанным духом казалась местным куда более правдоподобной. И проклятый дух здесь действительно обитал.

Хара слегка нахмурился:

— Раз есть погибшие, дело принимает скверный оборот. Нужно немедленно вызвать вспомогательного управляющего.

Когда на место прибудет полиция, именно управляющему придётся улаживать вопросы с властями и ставить завесу, пока маги будут устранять угрозу.

У самого выхода из гостиницы они вновь столкнулись с давешней шатенкой. Увидев, что троица направляется к дверям, она на секунду замялась, а затем негромко произнесла:

— Вам лучше остаться здесь. На празднике стряслась беда. Какое-то чудовище растерзало троих человек. Это не шутки, монстр реален, так что не вздумайте соваться туда из чистого любопытства.

Шери вспомнила, как приехала сюда ради Стрелы дюгоня. Однако в разгар поисков Джин сообщил, что задание отменяется: пресловутая Бессмертная старуха оказалась фальшивкой — её роль исполняла загримированная жрица Кимиэ Симабукуро.

Никакого бессмертия не существовало, как и чудодейственной плоти русалки.

Для Шери, Джина и Водки миссия на острове завершилась.

Но стоило им приготовиться к отплытию, как грянул гром.

Из глубокого омута под водопадом выловили изуродованные останки трёх девушек. Жертвами оказались Саори Кадоваки, Наоко Куроэ и Тосими Эбихара.

Их плоть была изорвана жуткими, глубокими укусами, словно несчастных терзал свирепый зверь.

В толпе зевак тут же раздался истошный крик одного из местных жителей:

— Это кара! Кара русалки!

— С чего ты взял? — посыпались вопросы от испуганных людей. — Почему русалка ополчилась именно на них?

Тот, заикаясь от ужаса, пролепетал:

— Я знаю... Два года назад на складе сгорела вовсе не простая русалка. Это Саори и остальные подожгли его!

После этих слов над толпой островитян повисла зловещая, мёртвая тишина.

Приезжие туристы ничего не понимали, ведь они не знали предыстории с таинственным обгоревшим телом.

Но для Кимиэ Симабукуро, притавшейся под маской Бессмертной старухи, эти слова прозвучали подобно удару молнии.

«Они знали... Всё это время они знали...»

Тогда на складе погибла не русалка. Там сгорела её родная мать.

Чтобы правдоподобно изображать крошечную дряхлую старуху, несчастной женщине приходилось часами стоять на коленях, подвязав голени к бёдрам. В тот роковой день двери

склада заперли снаружи, а здание подожгли. Связанная женщина попросту не смогла выбраться из огненной ловушки.

Когда пепелище потушили, спасатели нашли обгоревший остов существа со странно подогнутыми, словно отсутствующими ногами. Так и родилась легенда об умершей русалке.

А на следующий день, чтобы не сорвать туристический сезон, Кимиэ надела маску матери и вновь предстала перед людьми в образе Бессмертной старухи. Потрясённые «чудесным воскрешением», Саори и её подруги уверовали в бессмертие ещё сильнее.

Кимиэ долго оплакивала мать, считая случившееся нелепой трагедией. Но незадолго до сегодняшнего дня Саори Кадоваки в пьяном угаре проболталась: это они устроили тот пожар. Просто чтобы проверить, действительно ли русалка бессмертна.

Жгучая ненависть захлестнула разум Кимиэ. Именно тогда в руинах сгоревшего склада ей явился жуткий, обгоревший призрак матери, восставший из пепла. Мать превратилась в чудовище.

Монстр растерзал троих убийц, и Кимиэ считала это справедливым возмездием.

Но сейчас, глядя на притихших островитян, она осознала страшную правду: многие знали о преступлении девушек, но предпочли малодушно промолчать.

Они спокойно жили бок о бок с убийцами, принёсшими её мать в жертву своему любопытству.

В душе Кимиэ закипела новая, всепоглощающая ярость. Теперь она ненавидела весь этот проклятый остров.

Для кого её мать гробила своё здоровье, ползая на коленях? Ради кого она сама тратила молодость, прячась под уродливой маской? Ради этой неблагодарной толпы, жаждущей лишь дешёвых зрелищ и наживы?

Кимиэ решительно шагнула вперёд. Сдёрнув маску и сорвав фальшивые седые волосы, она выпрямилась во весь рост. Каждое движение причиняло невыносимую боль стёртым коленям, но она не подала виду.

— Никакой русалки нет! Прекратите дрожать от страха! Это были дикие звери, а все сказки о бессмертии — сплошная ложь!

Она лично растоптала легенду, которой остров кормился десятилетиями.

Толпа туристов ахнула.

— Старуха — ненастоящая!

— Да это же местная жрица! Я видел её в храме!

— Нас обманули! Здесь всё пропитано ложью!

— Мошенники! Верните деньги за билеты!

Разъярённые приезжие требовали возмездия, напрочь забыв о погибших. Их волновало лишь то, что их обвели вокруг пальца.

Островитяне же смотрели на Кимиз с нескрываемой злобой. Они ненавидели её за то, что она разрушила их сытую, беззаботную жизнь. Теперь туристам на острове делать нечего, и им снова придётся прозябать в нищете.

Но Кимиз лишь упивалась их яростью. Это была её маленькая, сладкая месть.

— Разве я не предупреждала вас? — спокойно обратилась она к туристам. — Никаких русалок не существует. Нужно верить науке, а не глупым суевериям.

Присутствующие умолкли, не зная, что возразить. Ведь жрица действительно открыто говорила им об этом при встрече.

Вскоре суматоху прервало появление полиции. Офицеры быстро оцепили место происшествия и после беглого осмотра тел вынесли вердикт: несчастный случай, нападение неизвестного хищника.

Кимиз мысленно облегчённо вздохнула.

Но радоваться было рано. Взглянув на водную гладь, она похолодела: из глубин омута медленно показалась уродливая голова её матери. Монстр с вожделением уставился на толпу столпившихся у кромки воды людей.

— А вот и оно. Кажется, мы как раз вовремя.

Раздавшийся из-за спины голос заставил Кимиз вздрогнуть.

Она резко обернулась и замерла, не в силах пошевелиться. Перед ней стояла та самая троица, от которой веяло смертельной опасностью: беловолосые близнецы и темноволосый парень со странной челкой.

<http://bllate.org/book/19549/2004359>